

На следующий день очнувшиеся беглецы полностью очистили Лу Цинцзю от подозрений. Медицинская экспертиза показала, что раны на их телах в основном поверхностные и не представляют серьёзной угрозы. В своих показаниях они упорно твердили, что были ислѣваны курами Лу Цинцзю.

Заклѣваны курицами? Разумеется, полицейские отнеслись к этому скептически. Но мужчины стояли на своём, с непоколебимым, почти истеричным упорством повторяя одну и ту же нелепую версию. Судя по их перекошенным ужасом лицам, ночной инцидент оставил в их душах глубокую психологическую травму. Следователи, хоть и посчитавшие ситуацию крайне странной, в итоге махнули рукой – жизни опасных преступников вне угрозы, а значит, и копать глубже незачем.

Но это не касалось Ху Шу. За его плечами было более сорока лет и опыт по меньшей мере восьмисот расследований. Ветеран полиции, он повидал всякое. Однако эти два дела, связанные с Лу Цинцзю и отдающие мистическим духом, не давали ему покоя.

Раньше Ху Шу не верил в подобные вещи, но случай с женщиной-призраком произвѣл на него неизгладимое впечатление. Когда исключены все невозможные варианты, то, что остаѣтся, – каким бы невероятным оно ни было – и есть истина.

Погружѣнного в размышления Ху Шу похлопал по плечу начальник: «Ну что, есть прогресс по тому делу?»

Ху Шу лишь горько усмехнулся в ответ, не дав определѣнного ответа.

Впрочем, мучившее полицейского дело не имело к Лу Цинцзю никакого отношения. Тот к тому времени уже дал показания и на своём пикапе возвращался домой. С тех пор как Бай Юэху перегнал сюда свой автомобиль, жизнь стала несравненно удобнее. Теперь в город можно было съездить в любой момент – за покупками или просто так. Главное же – этот пикап был невероятно экономичен: бензин ему был совершенно не нужен.

По дороге Лу Цинцзю получил сообщение от Чжу Мяомяо. К нему была приложена фотография: Чжан Чуян стоял у входа в офис, сияя ослепительной улыбкой. Но самым впечатляющим на снимке был даже не он, а огненно-красный транспарант, гордо реявший над его головой: «Поздравляем президента Чжана с обретением миллиона черных волос!».

Лу Цинцзю: «...» Он едва не выронил телефон.

Чжу Мяомяо также прислала голосовое сообщение, рассказав, что по возвращении Чжан Чуян произвѣл фурор во всѣм отделе. Все твердили, что столь безупречной и эффективной пересадки волос ещё не видели. Многие, озабоченные проблемой облысения, пытались выведать у Чжу Мяомяо и Чжан Чуяна секрет их успеха. Но оба хранили молчание, свято оберегая тайну Лу Цинцзю.

«Если подвернётся ещё одна подходящая возможность, я дам тебе знать заранее, — сказала Чжу Мяомяо. — Если разрешишь - приведу человека, если нет - ничего страшного».

Лу Цинцзю поблагодарил её и даже отправил солидный виртуальный «красный конверт». Без помощи Чжу Мяомяо связаться с кем-то вроде Чжан Чуяна ему бы вряд ли удалось.

Едва Лу Цинцзю пересёк порог дома, как увидел Инь Сюня, сидевшего на корточках у входа и смотрящего на него жалобным, полным страдания взглядом.

«И что это за взгляд?» — Лу Цинцзю пробрала дрожь под этим пристальным вниманием.

«Если бы ты вернулся чуть позже, мы с Бай Юэху умерли бы от голода! — взорвался Инь Сюнь. — А когда он голоден, его настроение становится просто адским! Я уверен, он уже подумывал съесть меня». В прямом, самом что ни на есть гастрономическом смысле!

Бай Юэху, восседавший в своём кресле-качалке, бросил на Инь Сюня взгляд. И выражение его глаз показалось Лу Цинцзю до боли знакомым. Точно! Так Инь Сюнь смотрит на свинину!

Лу Цинцзю не знал, смеяться или плакать. Утром он ушёл пораньше, не приготовив завтрака, в надежде, что те как-нибудь сами справятся. Но после случая с отравленным хлебом Бай Юэху наотрез отказывался от любой пищи, приготовленной Инь Сюнем.

Лу Цинцзю: «Хорошо, потерпите немного, сварю вам лапшу».

Лапша готовится быстро и хоть немного утолит голод.

Пока Лу Цинцзю возился на кухне, к нему подбежал Инь Сюнь с расспросами о ночном происшествии. Лу Цинцзю, нарезаая овощи, взглянул на него: «Прошлой ночью в дом забрались двое воров. Сегодня утром пришлось ехать в участок давать показания».

«Воры? — фыркнул Инь Сюнь. — И охота им мелочиться...»

«Это ты называешь мелочью? — Лу Цинцзю приостановился и посмотрел на него прямо. — Инь Сюнь, это ведь ты выбирал мне тех цыплят, верно?»

Инь Сюнь: «Ага».

Лу Цинцзю: «Ты ничего... необычного в них тогда не заметил?»

Инь Сюнь был воплощением невинности: «Нет? А что в них может быть необычного? Я просто ловил цыплят, никакого «выбора» и не было».

Лу Цинцзю: «Правда?»

«Честное слово», — уверенно парировал Инь Сюнь, явно не собираясь вдаваться в подробности о том, что же это за птицы такие. Но одно было ясно: он прекрасно осведомлён об их боевых качествах. Иначе он волновался бы сейчас за Лу Цинцзю — потенциальную жертву грабителей, а не за самих грабителей.

Видя, что Инь Сюнь не расположен говорить, Лу Цинцзю лишь внутренне вздохнул и сменил тему, вновь погрузившись в приготовление лапши.

Когда Бай Юэху и Инь Сюнь поели, гнетущая атмосфера в доме наконец рассеялась. Обычно Бай Юэху выглядел ленивым и расслабленным, но взгляд его прекрасных глаз феникса в состоянии голода было невыносимо выдерживать — по словам Инь Сюня, казалось, он оценивал всё вокруг на предмет съедобности.

Закончив с лапшой, Лу Цинцзю решил сходить на поле, чтобы собрать немного капусты и перца чили. Он планировал использовать недавно купленные банки и приготовить прыгающую капусту*. В последние дни стояла невыносимая жара, а это блюдо было одновременно простым в приготовлении и аппетитным — идеальная летняя закуска.

Деревня Шуйфу затерялась высоко в горах, и обычно здесь не бывало особой духоты. Но сегодняшний день стал исключением. Хотя был только конец июня, температура неуклонно ползла вверх. Ещё вчера столбик термометра достиг отметки в тридцать семь градусов.

Кондиционеров в деревне почти не водилось. Лу Цинцзю подумывал найти в городе мастера, чтобы установить их у себя дома, а заодно и у Инь Сюня.

С момента своего переезда Инь Сюнь помогал Лу Цинцзю во всём. Именно он сглаживал его отношения с деревенскими с самого начала. Иначе «чужака» Лу Цинцзю, давно не появлявшегося в родных местах, попросту бы не приняли. Чем меньше деревня, тем более она закрыта для посторонних. В такой глуши, как Шуйфу, новые лица не появлялись уже больше десяти лет. А Лу Цинцзю, у которого не осталось старших родственников, и сам считался почти что пришлым.

Сорвав несколько упругих кочанов, Лу Цинцзю уложил их в рюкзак. Эту капусту сажал Бай Юэху, и она была несравненно вкуснее городской — сочная, хрустящая и сладковатая. Даже просто отваренная в воде, она оставалась невероятно аппетитной.

На их участке всё росло особенно буйно. В последние дни поспевал новый урожай помидоров. Чао Цяньюй уже звонил и предупредил, что скоро заедет за товаром.

Вернувшись домой с капустой, Лу Цинцзю сначала тщательно вымыл её, а затем принялся

подготавливать остальные ингредиенты для прыгающей капусты. Это блюдо – хрустящие маринованные овощи с ярким, пряно-кислым вкусом, невероятно возбуждающие аппетит. Одиноким живя в городе, Лу Цинцзю часто готовил его себе в качестве закуски, а вот здесь – впервые. После того как банка была заполнена, осталось немного капустных листьев, и Лу Цинцзю решил отнести их Сяо Хуа и Сяо Хэй. Взяв остатки, он направился к свинарнику.

Небо уже полностью стемнело. Лу Цинцзю полагал, что Сяо Хуа и Сяо Хэй давно спят. Однако, ещё не подойдя вплотную, он услышал приглушённый шёпот. Лу Цинцзю насторожился. Нарочно замедлив шаг, он бесшумно подкрался к краю свинарника и заглянул внутрь.

Увиденное потрясло его настолько, что капуста выскользнула из ослабевших пальцев и с глухим стуком упала на землю.

Прямо на земле, уткнувшись носом в нечто и задрав кверху зад, лежал Ли Сяюй, который должен был быть дома уже давно. Сяо Хэй и Сяо Хуа сидели по обе стороны от него, склонив головы и вместе с мальчиком внимательно что-то разглядывая. Но это было ещё не самое шокирующее. Больше всего Лу Цинцзю поразило то, что из их свиных рылец исходила совершенно человеческая речь – мягкие, нежные голоски, похожие на трёх-четырёхлетнего ребёнка. И сейчас они что-то очень серьёзно обсуждали с Ли Сяюем.

Возможно, сказывалось влияние Бай Юэху, но первой мыслью Лу Цинцзю, услышавшего говорящих свиней, было: «Чёрт, теперь их точно нельзя есть».

«Кто тут?»

Маленькая чёрная свинка, Большой брат Сяо Хуа, обладал невероятно острым слухом и уловил звук упавшей капусты. Он храбро вскочил, заслонив собой Сяо Хэй и Ли Сяюя.

«Это я, — Лу Цинцзю вышел из-за угла. — Что вы тут делаете?»

Увидев своего человека, Сяо Хуа запаниковал. Он повалился на землю и перекатился, всем своим видом изображая полное непонимание: «О чём ты? Я ничего не знаю».

Лу Цинцзю: «...Твоя игра слишком фальшива. Я всё слышал».

Сяо Хуа: «...»

Сяо Хэй робко спряталась за спиной старшего брата и прошептала: «Мы не чудовища... Ты не прогонишь нас?»

Лу Цинцзю: «Ладно, не прогоню. Я как раз оставил вам немного капусты, когда готовил. Кушайте скорее».

Услышав это, Сяо Хэй и Сяо Хуа уставились на него с идентичным выражением недоверия на мордочках. Они не ожидали, что Лу Цинцзю столь легко примет реальность, где свиньи умеют разговаривать.

Сяо Хэй дрожала. Она опасливо посмотрела на Лу Цинцзю и спросила: «Ты... Ты так просто с этим смирился?» Она-то думала, что человеку потребуется пройти через череду душевных терзаний, а не принимать всё с такой лёгкостью.

Лу Цинцзю: «А как иначе? Какой реакции ты от меня ждёшь?»

Сяо Хуа: «Может, немного покричать?»

«Забудь, — отмахнулся Лу Цинцзю и перевёл взгляд на Ли Сяоюя. — Сяоюй?»

Мальчик нервно ёрзал. Дрожащим голосом он выдохнул: «Лу-гэ».

«Сяоюй, — Лу Цинцзю подошёл ближе и взглянул на предмет, лежавший на земле. Это был учебник. Цинцзю не смог скрыть удивления: — Что это такое?»

«Это... задачи с математической олимпиады, — Ли Сяоюй смущённо потупился, и его уши покраснели. — Лу-гэ, я тут делаю домашнее задание». Его голос стал тихим, как комариный писк.

Лу Цинцзю: «Почему именно здесь?»

«Сяо Хуа объясняет мне, как их решать, — тихо признался мальчик. — Он очень умный».

Стоявший рядом Сяо Хуа после такой похвалы важно выпятил свою неширокую грудь.

Лу Цинцзю: «А, решаете задачки. Почему не спросил меня? Я тоже могу помочь».

Он полагал, что даже если это олимпиадные задания, то всего лишь для начальной школы. Ничего сверхсложного.

Ли Сяоюй: «Я боялся потратить твоё время зря, Лу-гэ...»

«По вечерам я обычно свободен, — присев на корточки, сказал Лу Цинцзю. — Какая именно задача не получается?»

Ли Сяоюй ткнул пальцем в учебник: «Вот эта».

Лу Цинцзю внимательно прочёл. В задании говорилось: «Заполните пропуск. Стрелок производит 10 независимых выстрелов по мишени. Пусть X – количество попаданий при 10 выстрелах. Известно, что вероятность попадания при каждом выстреле постоянна и равна 0,4. Найдите $E(X^2) = \underline{\quad}$ ».

Лу Цинцзю: «...»

Вот дерьмо. В какой же начальной школе задают такие олимпиадные задачи? Это же чистейшая высшая математика, которую проходят только в университете! А он, окончив вуз, давно вернул все эти знания обратно преподавателям. Теперь он мог лишь тупо смотреть на условие, и его глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит.

«Лу-гэ?» — тихо позвал его Ли Сяюй, видя нездоровое изменение в его лице.

Помолчав пару секунд, он взял учебник и торжественно положил его перед Сяо Хуа.
«Продолжай его учить. Я принесу вам чего-нибудь перекусить».

Сяо Хуа не ожидал, что Лу Цинцзю не только не устроит скандал, но и любезно предложит закуски. Он не смел верить в такую удачу и с подозрением уставился на человека. «Почему ты такой сговорчивый?! Ты же не ищешь повод, чтобы потом нас продать?»

Лу Цинцзю: «Уже ночь. Кому я тебя продам?»

Сяо Хуа: «Действительно...»

Лу Цинцзю: «В следующий раз, когда будете делать уроки, заходите в дом. Хватит сидеть в свинарнике». Пусть он и содержался в идеальной чистоте, но это всё же был свинарник. У ребёнка слабый иммунитет, если целый день сидеть на холодной земле – непременно заболит.

Лу Цинцзю вернулся в дом, чтобы нарезать для них фруктов. Сяо Хуа, Сяо Хэй и Ли Сяюй проводили его восхищёнными взглядами.

«Лу-гэ – хороший человек», — сказал Ли Сяюй, привлекая к себе Сяо Хуа, чтобы почесать его мягкий тёплый живот. Наслаждаясь, Сяо Хуа кивнул: «Несомненно, хороший».

«Да, — полностью согласилась Сяо Хэй, — он не счёл странным, что мы разговариваем, и даже разрешил обучать Ли Сяюю, хотя мог бы и сам...»

Ли Сяюй был растроган до слёз. Он пообещал усердно учиться, хорошо сдать экзамены, поступить в престижную школу и тем самым отблагодарить Лу-гэ за его доброту. Сяо Хуа успокаивающе похлопал мальчика по голове своим маленьким копытцем. Он был благодарен Лу Цинцзю за то, что тот не отнял у них возможность проводить время с Ли Сяюем. Он даже не смел о таком мечтать...

«Нынешняя программа в начальной школе - просто жуть, — бормотал себе под нос Лу Цинцзю, нарезаая фрукты. — Каждое слово в отдельности понимаю, а вместе - ничего...» Конечно, это были лишь слова, сказанные самому себе. У взрослых есть своя гордость. Признаться, что его интеллект уступает интеллекту двух свинок, которых он сам вырастил... При одной мысли об этом Лу Цинцзю хотелось провалиться сквозь землю.

К счастью, Ли Сяоюй больше не поднимал тему занятий с Лу Цинцзю. Тот отдал им принесённые мандарины и, наблюдая, как они радостно набрасываются на угощение, как бы невзначай поинтересовался их нынешними обстоятельствами.

Невежество шокирует, а полученное знание* - тем более. Лишь теперь Лу Цинцзю осознал, что Ли Сяоюй уже давно учится вместе с Сяо Хэй и Сяо Хуа и планировал вовсе пропустить классы.

[* Это звучит рифмованно по-китайски.]

«Папа говорит, что мне нет смысла ходить в среднюю школу, — Ли Сяоюй, причмокивая от сочного мандарина, жалобно пробормотал. — Вот я и подумал: раз не выходит со средней, сразу пойду в старшую».

Лу Цинцзю вздохнул. Детская наивность обладала особой прелестью, способной растопить даже самое чёрствое сердце. Он ласково потрепал мальчика по голове и сказал твёрдо: «Не переживай, просто учись хорошо. Если отец не захочет платить за твоё образование, гэгэ заплатит».

На лице Ли Сяоюя мелькнуло радостное изумление, смешанное с лёгкой растерянностью. Лу Цинцзю поспешил заверить его в серьёзности своих слов, посоветовав сосредоточиться на учёбе. К тому времени все уладится само собой.

Ли Сяоюй счастливо закивал.

Рядом терпеливо сидели Сяо Хуа и Сяо Хэй, дожидаясь, когда Ли Сяоюй почистит для них мандарины. Под опекой мальчика две чёрные свинки становились всё привередливее. Мандарины полагалось очищать от кожуры. Амброзию следовало правильно приготовить и приправить щепоткой соли. Иногда они лакомились овощами с соседних полей. Их незамысловатая жизнь обретала изысканный вкус. Неудивительно, что они так привязались к Ли Сяоюю. Без своего юного хранителя им вряд ли удалось бы вести столь комфортное существование.

Когда Сяо Хуа и Сяо Хэй доели, Лу Цинцзю объявил, что Ли Сяоюю пора возвращаться домой. Он наказал мальчику больше не заниматься в свинарнике, а с этого дня приходиться вместе со свинками к нему во двор. Ли Сяоюй послушно согласился. Лишь тогда Лу Цинцзю облегчённо вздохнул и направился обратно.

Вернувшись, он застал Бай Юэху, невозмутимо раскачивающегося в кресле под сенью деревьев. Тот созерцал яркую луну, застывшую в ночной вышине, будто погружённый в размышления. Лу Цинцзю подошёл и, как само собой разумеющееся, подтолкнул кресло: «Юэху, можно спросить?»

Бай Юэху даже не повернул головы: «Они не обычные свиньи».

Лу Цинцзю: «...» Значит, знал.

«Тогда кто же они?»

«Их научное название, кажется, Дан-Кан, — произнёс Бай Юэху задумчиво. — Вкус вполне удовлетворительный».

Лу Цинцзю: «...» Сколько же существ ты перепробовал.

«Давай не станем есть тех, что в свинарнике. — Он редко видел, чтобы Бай Юэху кого-то убивал, но, дабы предотвратить трагедию вроде истории с оригинальным Сяо Хуа из дома Инь Сюня, счёл нужным предупредить домашнего лисьего духа: — Они же умные, говорят и даже учат детей математике».

Бай Юэху: «С таким низким IQ они могут учить людей?»

Лу Цинцзю, сам не сильный в математике, почувствовал себя задетым, но выразить внутреннюю грусть постеснялся — слишком уж неловко. «Короче, не ешь их. Если съешь, ребёнок будет плакать».

«А если вкусно приготовить, — Бай Юэху произнёс это с полной серьёзностью, без тени шутки, — может, и не заплачет?»

Лу Цинцзю прикрыл лицо ладонями, вспомнив, как Инь Сюнь когда-то рыдал и кричал, но в итоге продал душу за тарелку тушеной свинины в красном соусе... Признать это было страшно, но в словах лиса имелся свой резон...

«Шучу, — к счастью, Бай Юэху не стал его донимать и оставил тему приготовления Сяо Хэй и Сяо Хуа. — Хочешь оставить — оставляй».

Лу Цинцзю облегчённо выдохнул, но тут же услышал следующее: «Я найду что-нибудь другое для разведения».

Лу Цинцзю: «...»

«Что-нибудь с более низким IQ. — Бай Юэху поднялся с кресла и лениво зевнул. Его глаза прищурились, а всё тело излучало соблазнительную истому. — Что-нибудь... не говорящее».

Лу Цинцзю вспомнил про домашний курятник и добавил: «И, может, не слишком сильное?»

Бай Юэху кивнул, будто соглашаясь, и удалился в дом. Лу Цинцзю же ещё какое-то время отдыхал в любимом кресле-качалке. Погода стояла дивная – ни облачка, лишь яркая сияющая луна. После заката температура постепенно спала, и по двору бродил лёгкий прохладный ветерок. Бездельничать в такие моменты было невероятно приятно. Не зря Бай Юэху так любил это кресло.

Лу Цинцзю уже почти задремал, когда его сознание отметило одну загадку: в их доме практически не водились комары. Даже Инь Сюнь, чьё тело обычно притягивало кровососов, здесь не получал ни единого укуса. Вероятно, это была одна из причин, почему тот так любил бывать в гостях у Лу Цинцзю. Но главная заключалась в другом – Инь Сюнь жил один.

Лу Цинцзю как-то посещал его жилище. Ни интернета, ни телевизора, почти никаких развлечений. До возвращения Лу Цинцзю тот, казалось, занимался лишь своим хозяйством. Ел в одиночестве, спал в одиночестве, вёл дела в одиночестве. Лишь с возвращением Лу Цинцзю его жизнь наконец окрасилась дымкой обычной, мирской суеты.

Увидев это, Лу Цинцзю всё понял без лишних вопросов. Иные вещи не требуют слов – достаточно одного взгляда.

Когда ночь окончательно вступила в свои права, Лу Цинцзю поднялся с кресла и отправился в спальню. Умывшись, он погрузился в глубокий мир грёз.

На рассвете солнечные лучи, пробившись сквозь окно, мягко разбудили его. Потянувшись, он вышел во двор и увидел двух свинок, которые должны были бы находиться в загоне, нежившихся на солнце. Рядом деловито сновала свирепая стая кур, едва не расправившаяся с парой воров, – они энергично бегали по двору, клевали зёрна, траву и даже камешки. Весь двор дышал живой, бурлящей жизнью.

Вчера богатый ценитель помидоров Чао Цяньюй написал Лу Цинцзю, что заедет за урожаем сегодня. Лу Цинцзю ответил, что рано – нужно хотя бы день на сбор.

Чао Цяньюй заверил, что проблем нет: он привезёт людей и поможет, так что Лу Цинцзю может просто ждать и получать деньги.

Такая почтительная предупредительность слегка смутила Лу Цинцзю, но он отлично понимал истинную причину такого рвения – помидоры были выращены Бай Юэху. Помедлив мгновение, он отбросил церемонии: «Хорошо, приезжайте».

Чао Цяньюй ответил коротким согласием.

Когда Лу Цинцзю накрывал на стол, снаружи раздался звук клаксона. Первой мыслью было: «Неужели это мой пикап?»

Однако почти сразу послышался стук в ворота и голос Чао Цяньюя: «Господин Лу, мы прибыли».

Было лишь начало девятого. «Так рано?» — удивился про себя Лу Цинцзю, но пошёл открывать.

Чао Цяньюй стоял снаружи в сопровождении двух мужчин, его лицо озаряла широкая улыбка: «Здравствуйте, господин Лу».

Он выглядел весьма симпатично, с мягкими, почти учёными чертами. Однако прошлые события оставили у Лу Цинцзю о нём довольно специфическое впечатление, поэтому он лишь сдержанно кивнул: «Доброе утро, господин Чао. Так рано?»

«Да, выехали около пяти утра».

«Вы уже завтракали?» — из вежливости поинтересовался Лу Цинцзю.

«Нет».

К его удивлению, Чао Цяньюй воспринял вопрос вполне серьёзно. Его глаза загорелись: «Не могу ли я удостоиться чести попробовать мастерство господина Лу?»

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: «Если даже свиньи решают сложные задачки, то на что способен я?..»

Бай Юэху: «На то, чтобы быть моим любовником».

Лу Цинцзю: «???»

<http://bllate.org/book/15722/1506603>